

Новые издания И. А. Бунина

«В живую влагу сердца, в чистую влагу любви, печали и нежности погружаю я корни и стебли моего прошлого — и вот опять, опять дивно прозябает мой заветный знак»... («Роза Иерихона», стр. 100).

Строки эти взял бы я эпиграфом ко многому-многому из позднего Бунина, — так выразительно и проникновенно освещают они изнутри и истоки, и нерв, и силу его мастерства.

Мастерства! В нашу пору — увлечения абстракциями также и в области «как писать?», — теряется, по-моему, если не понятие, то само ощущение мастерства. Вот дал одному «новатору» несколько мастерских страниц творческого слова, показал на многие восхитительные находки языковой изобразительности, вроде, скажем, «дерево трещало воробьями», — он прочитал, позевывая. «— Нет, говорит, не поражает! Недурно, но устарело, так дальше нельзя писать»... И даже попробовал припечатать суждение какой-то очередной теорией из записной книжки, хотя к чему уж теории, если не понимать прекрасного на ощупь. Почему нельзя так писать? Увы! кажется, никому так писать. А если может кто так (я не про элитонство говорю, но про линию и ранг мастерства), то обязательно пусть так пишет. И потом: если не так, то как? — на этот вопрос никто из «передовиков» теории ведь ничем не ответит и не укажет от чего итти в поисках (против самих поисков кто же возразит!), в творчестве же плодотворно отталкивание именно от мастерства, а не от абстракций; прядущий творческий взлет (если будет) возникнет, мне кажется, отнюдь не на откате от «устарелого» мастерства классики, а на возврате к этому мастерству с новым запасом свежести творческого дыхания...

И. А. Бунин. Весной в Иудее. Стр. 234. Митина любовь, стр. 218. Обе книги вышли в изд-ве им. Чехова. Нью-Йорк, 1953.

Впрочем, для рецензии это отступление лишнее. Возвратимся к двум недавно изданным бунинским книгам.

Подлинное мастерство рассыпано по страницам этих книг щедрыми пригоршнями. Сказать, что ничего подобного «Митиной любви» в прошлых решениях этой творческой темы не читал, — значит сказать очень мало. Но оставлю мотивировку на после. Пока же и в «Митиной любви» подчеркну прежде всего глубину и своеобразие бунинского обобщения, растворенного и в прошлом, и в сегодня, и в России, авторской и моей, и в лабиринтах моего и авторского «душевного»...

«В живую воду сердца, в чистую влагу любви, печали и нежности погружаю я корни и стебли моего прошлого»...

И вот:

«Митя, сидя и подскакивая, держался изо всех сил. В затылок ему приятно пекло, в лицо дуло полевым жаром, пахнувшим уже зацветавшей рожью, дорожной пылью, колесной мазью. Рожь ходила, отливала серебристо-серой, точно какой-то чудесный мех, зыбью, над ней поминутно взвивались, пели, косо неслись и падали жаворонки, далеко впереди мятло синел лес»...

Что упомянуть из отдельных рассказов, отрывков в двух книгах? — Многого. В «Ловчем», например, вряд ли кто из чувствующих язык читателей не восхитится виртуозной реконструкцией речи старого охотника. Во второй книге та же мастерская реконструкция в рассказе «Святые» (Арсенич). О языке вообще: его живописующая сила, пластичность — изумительны. Оно, например, видно, как в окошке, — это альпийское кладбище, «кресты которого точно ловят раскинутыми руками бегущие световые полосы автомобиля» («В Альпах»).

Или:

В час полуденный,
зыбко сливаясь по Древу,
Водит, тянется малой головкой своей,
Ищет трепетным жалом
нагую смущенную Еву
Искушающий Змей.

(«Искушение»)

— Это ведь уж нечто лепное, скульптура слова!

И все-таки, повторяю, не столько творческое воплощение «виждь» и «внемли», сколько творческое опосредствование увиденного и услышанного составляет сущность бунинского мастерства, — то, отчего читатель переживает вместе с автором это вот:

они «неслись на тройке домой уже совсем утром, страшно морозным и розовым. И когда неслись мимо Страстного монастыря, показалось из-за крыш ледяное красное солнце и с колокольной сорвался первый, самый как будто тяжкий и великолепный удар, потрясший всю морозную Москву, и композитор вдруг сорвал с себя шапку и что есть силы, со слезами закричал на всю площадь:

— Солнце мое! Возлюбленная моя! Ура-а!»

(«Ида»)

«Солнце мое! Возлюбленная моя! Ура-а!» — Отчего я повторяю эту строчку? Не встают ли мгновенно во мне и мои пережитые миги полноты ощущения жизни? Минувшей и ныне ущербной? — Нет, почему же! дело не только в утратах (Москвы, например), хотя утрата, ущерб в обобщенных особенно остры и лиричны. Но вот и общечеловеческое:

«Ты взошел на корабль, совершил плавание, достиг гавани: пора сходить... Немного уж осталось тебе. Живи, как на горе. Как с горы обозревай землю: сборища, походы, битвы, полевые работы, браки, рождения, смерти...

...К востоку темнеет горб Антибского мыса. И таинственно и мерно, с промежутками, зорко трыдает там, на горбе, белый огонь маяка... Но вот он вдруг гаснет: небо за мысом стало легкое, тонкое, бледное. И где-то внизу подо мной, на какой-то ферме, кричит первый рассветный петух: еще сквозь сон, несознательно, но уже задирчиво, с напрягающимся хриплым клекотом двух разных голосов...

Еще одно мое утро на земле.

(«Мистраль», стр. 93).

И опять я повторяю строчку. И для меня «еще одно утро мое на земле». Хотя сейчас уж вечер. И только книжка в руках...

Л. Р.

Разбирая архив И. А. Бунина

Недавно мне довелось работать с моей гимназической подружкой В. Н. Буниной по разборке интереснейшего и ценного литературного архива ее мужа, И. А. Бунина. Наша работа длилась около четырех месяцев в квартире Буниных, в одной из тихих улиц парижского квартала Пасси. Работали мы обычно в столовой, рядом с кабинетом Ивана Алексеевича. Большой физически и часто прикованный к постели, И. А. не прекращает своей работы: продолжает исправлять экземпляры книг, подготовляемых для переиздания, просматривает все газеты и книги, которые ему присылают из разных концов мира, часто делает интересные пометки на полях. В этих пометках, порой весьма жесточких, ярко отражается его прямой характер. Он не считает нужным да и не может скрывать своих убеждений.

Память у Ивана Алексеевича необычно-

венная. Заноса в опись архива иную статью, либо книгу, мы иногда затрудняемся поставить дату, но И. А. сейчас же приходит нам на помощь и подсказывает нужное с изумительной точностью.

Разборка архива доставила мне много незабываемых минут. Удивляешься прежде всего обилию материала. Архив содержит 54 папки и свыше 7.000 различных документов: рукописи, книги, письма, статьи русских и иностранных авторов о художественном творчестве И. А., фотографии... Всего не перечтешь.

Вот рукописи самого Бунина, где каждая поправка, каждое исправление текста говорит о тщательной работе, которую производил Иван Алексеевич над каждым своим произведением, прежде чем оно увидит свет и даже после напечатания. Рукописи эти надо изучать внимательнейшим образом, чтобы понять тайну и силу твор-

чества Бунина. Понять — до известной степени, так как самая суть творчества большого художника всегда остается «сокровенным» его души. Как-то А. И. Куприн сказал мне про Бунина: «Этот мастер слова иногда вычеркивает целые строки, которые мне казались совершенством, заменяя их еще более яркими, а я, вот, не могу так творить».

Мне вспоминаются также слова молодого, талантливого (ныне покойного) беллетриста Л. М. Добролюбова, автора «Новой бурсы», — он мне говорил: «Ныне в эмиграции все пишут, но как?! Наши классики каждую строчку обрабатывали. У Гоголя в первой редакции: «Вдали блестели золотые главы киевских церквей»... Творчество проявляется в отделке».

Будущие поколения станут внимательно изучать рукописи Бунина, чтобы понять всю сокровенную красоту русского языка.

*

В архиве имеется более двух с половиною тысяч писем русских писателей, поэтов, журналистов к Ивану Алексеевичу.

Порывистый Шмелев, как живой, проходит перед нами; рассудительный Ходасевич; деловитый, порой язвительный Амфиотров; увлекающийся Шильский; Накивин со своими несбыточными, фантастическими проектами; беспечный А. Н. Толстой («3-ий Толстой»); доброжелательный Фондаминский (Бунаков); остроумный своими характеристиками некоторых лидеров-литераторов журналист Г. Волошин; а вот письма А. И. Куприна, большей частью грустные, особенно те, что датированы 1934 годом. Вот Бальмонт, кн. Барятинский, толстовец Булгаков, Гребенщиков, Кускова, Милоков, Осоргин, Степун, Тэффи, Иоанн Шаховской... Всех не перечислишь...

Генерал Деникин пишет: «Душевной теплотой веет от Ваших строк. Особенно ценны они теперь, на переломе русской жизни, когда меняются веки, рвутся связи с близким прошлым, поносится и то хорошее, что все-таки было в нем. Ценны потому еще, что принадлежат они русскому писателю, которого я заочно привлекать и уважать... Дай Бог Вам силы преодолеть все трудности и невзгоды беженского бытия и вновь волновать наши души своими словами».

Бунину писали все его русские собратья по перу. Первое, что видно из этих писем, это — что они отдавали искренне пальму литературного первенства Ивану Алексеевичу. В одном из писем покойного Фондаминского мы читаем: «Грузенберг мне пишет: «Бунин великолепен, сильный, ско-

рый, с юношеским «крепостоем», он глушит всех следующих за ним беллетристов. Это погромщик, его надо прятать: не даст никому дохнуть» (письмо 1929 г.).

А вот что пишет Ивану Алексеевичу один старый литератор: «Любуясь Вашими выпуклыми, барельефными образами и чутко слушая Вашу так тонко отчеканенную речь, верую, что будет во веки веков жить, расти, цвести и светиться наша русская молва и не позабудется старая милая наша Россия».

А другой писатель — из молодых — говорит: «Вы, Иван Алексеевич, всегда были борцом за правду — за правду художественную и правду жизни».

Письма русских писателей дают порой печальную картину тяжелого положения тружеников пера в эмиграции. К Ивану Алексеевичу тянутся бесконечные просьбы — посодействовать, помочь устроить их дела. Из тех же писем видно, что хлопоты И. А. увенчивались успехом: у кого принята рукопись, кому послан аванс или выхлопотана государственная стипендия от одного из балканских государств. Иным И. А. помогал и лично, выручая товарищей по перу в трудные минуты их эмигрантской жизни.

*

Очень обширен в архиве отдел иностранной прессы со статьями о творчестве Бунина. Он один занимает семь больших папок. Стихи и проза Ивана Алексеевича переведены на 19 языков, включая эсперанто, еврейский, турецкий и китайский. С грустью приходится упомянуть, что некоторые иностранные издатели, издавая произведения И. А., «забывали» довести об этом до сведения автора и публиковали переводы его книг не только без разрешения, но даже без ведома автора.

*

Мировым апофеозом Бунина было, как известно, присуждение в 1933 г. Нобелевской премии по отделу литературы. Документам, связанным с этим событием, отведен особый, очень большой отдел архива. Нобелевская премия не только увенчала литературную работу Бунина, но и показала отношение к нему читателей.

Нобелевская премия! Кому, как не Бунину, из современных русских писателей она должна была быть дана? Получение им этой премии превратилось в праздник русской культуры, а равно и эмиграции, которой суждено представлять эту культуру в различных концах света.

Приветственные телеграммы, торжественные адреса, письма от официальных лиц, от друзей, читателей и почитателей. Отовсюду и ото всех... Поздравления присылались и из тех государств Европы, которые в 1933 году еще не были во власти кремлевских коммунистических владык, и русские эмигранты, населявшие эти страны, могли тогда говорить и выражать свои мысли свободно: в Болгарии, Сербии, Румынии, Чехословакии, Эстонии, Литве, Латвии, Польше.

От кого только не получались приветствия! Научные учреждения, общественные организации, органы печати, библиотеки, университеты, гимназии, низшие школы, писатели, художники, музыканты, духовенство, адвокаты, врачи, сестры милосердия, инженеры, военные, учителя и учащиеся, шоферы, казаки и крестьяне...

В архиве вы увидите рядом с приветствием великого князя Кирилла Владимировича — письма двух дочерей Герцена; письма генерала Краснова и эсэра Фондаминского, В. Шульгина и Г. Гутника, председателя Еврейского Общества взаимопомощи в Бухаресте, — словом, от крайне правых до крайне левых. Говоря словами одного из читателей: «писатели связывают с читателем не личные отношения, а его произведение».

Особенный интерес представляют приветствия и письма не от официальных учреждений, написанные часто слишком «глазким» языком, а от широкой массы читателей и почитателей.

Некий П. начинает свое послание (на 10 страницах!) так: «Мне снилась даль, мне снилась сказка, мне снилась молодость моя»... Он вспоминает, как, будучи десятилетним мальчуганом, он жил в Ялте на Дарсановской улице на даче Терещенко, где в первый и последний раз видел Бунина. Теперь он обращается к Бунину, «человеку, потерявшему, как и он, свою родину»...

Одна почитательница таланта И. А. пишет: «... жизнь такая серая, нудная, тяжелая, и вот, среди этой беспросветности и среди этих серых будней, вдруг вспоминаешь: а ведь Бунин получил премию. Господи, как это хорошо, как чудно и сейчас же что-то горячее, радостное охватывает душу»...

Почитательница из Италии, полурусская, полу-итальянка, посылает Бунину романс — ее музыка на слова И. А.

Из Базеля: «Бывшие русские люди» — теперь кто швейцарец, кто француз, кто эстонец, кто латыш, кто поляк, а кто подданный «Полярного круга» — живет именем

Нансена, — как кому Бог судил, — старые и молодые и разных профессий... «И вот от лица их шлем Вам простой, но горячий, искренний привет от всего сердца, полного радости и гордости».

Житель г. Марселя пишет: «После тяжелого, длинного, утомительного дня, придя домой в свою коморку, устроившись в кровать, откроешь книгу и, читая, унесешься в рожь с васильками, в степь Елецкую и забудешь, что находишься в Марселе, даже запахи гумна, жнивьев и прудов в памяти припоминаются»... Из Уж-Города (Подкарпатской Руси) пишут: «Мы, русские изгнанники, уже давно присудили Вам наилучшую премию, какую вообще можно присудить на земле человеку: наше преклонение перед Вами, как перед крупнейшим из современных русских писателей, — и свою любовь и глубокое к Вам уважение»...

То же испытывают и другие почитатели таланта Бунина: «Вы меня не знаете, — пишет один из них, — мое имя Вам ничего не говорит. Но я чувствую себя гордым — я русский! Наш писатель отмечен заграничной славой!»

Русские люди из Кальвадоса: «Исполать тебе, Иван, долго жить, добра да деток наживать, Бога не забывать, от людей чтиму быть. Любим тебя, гордимся тобой и земно кланяемся за ту радость, которую доставляешь нам во дни русской скорби.

Заводские рабочие люди.»

Библиотекарша из Вильно пишет: «Ура! Это было первое слово, которое я сказала рано утром, увидав газету — сообщение о премии Нобеля. Прочла и расплакалась от радости. Плачут иногда и от счастья. Это легкие, прекрасные слезы... Можно подумать, что эту премию получила я — до того я сияю. Простите, что пишу Вам, не будучи знакомой. Я хочу показать Вам, что так далеко, далеко от Вас в древнем Вильно люди, которые никогда Вас не видели, радуются за Вас и гордятся Вами, поздравляют друг друга Вашим именем: — «Поздравляю вас с Буниным!» — «И вас также!»

Отозвались читатели и почитатели с острова Явы, из Австралии, Сирии, Египта, Персии и других стран и городов русского эмигрантского рассеяния. Военные (вот, например, письмо от тридцати моряков во главе с адмиралом Пилкиным, или письмо атамана донского казачества А. П. Богаевского: «Вы, рыцарь могучего оружия — Слова, — будете всегда нашим соратником»); дети, школьники (воспитанники Софийской гимназии, гимназисты гор. Лунца,

избирающие И. А. Бунина «патроном» своего класса, мальчишки из детского дома в Болгарии) и многие-многие другие...

✱

Я не знаю, получали ли лауреаты других стран столько писем и таких писем. Вряд ли, ибо в других странах литература все-таки не является тем национальным знаменем, каким она была в стране Пушкина, Тургенева, Гоголя, Достоевского и Льва Толстого, и каким для нас теперь является имя Бунина.

То, о чем я упомянула, есть только небольшая часть того отдела архива, который относится к Нобелевской премии. Все другие части его не менее ценны.

Весь же архив в целом — ключ к пониманию творчества Бунина и удивительного общения между писателем-творцом и теми, для кого он пишет. Большая культурная сокровищница...

Париж 25. III. 1953 г.

Т. Алексинская

Книги Б. Ширяева

Книга о послевоенных беженцах в Италии. С подзаголовком: «Записки продавца кукол». Это — очерки, написанные очень увлекательно (так, что книгу всё время выключивают, того гляди зачитают), местами — с большой наблюдательностью и остротой; много живого юмора, много умных, пронизательных обобщений. Только иногда, на нескольких страницах, кажется, что крупный автор несколько «мельчит» в своем отборе, экспозициях и оценках. Но, повторяю, это редко. Как и иные вычурности стиля, например: «... Такие сударушки, накинув на плечи бухарскую шаль, сядили у окон купеческих особнячков, жевали моченые, такие же крепкие, ядерные яблоки и на прохожих молодцов дугами смоляных бровушек поводили»... Мелочи эти трудно поставить в упрек автору, принимая во внимание обычные ныне для нас творческие темпы и условия.

В книге «Светильники Русской Земли» Б. Ширяев — также и популяризатор-историк очень важной, нужной и «там» за Б. Ширяев. Ди-Пи в Италии Буэнос-Айрес, 1953; Светильники Русской Земли. Буэнос-Айрес, 1953.

претной темы. Чувствуется, что ему по плечу и несравненно более глубокий ее охват. Впрочем, вторая книга в большей части своей тоже очеркова; половина ее посвящена Соловкам, так хорошо и такой дорогой ценой известным автору, кое-что здесь, кажется, является фрагментами из большой и не изданной еще вещи автора «Неугасимая лампада».

Случается, что иной писатель заставляет говорить плавным образом об одном своем произведении — так заслоняет оно его остальные. Для меня, например, так и получилось с Б. Ширяевым: его последняя вещь, напечатанная в «Гранях» 16-ых — «Овечья лужа», представляется мне, по своим литературным достоинствам, равно как и по остроте и непрерываемой важности взятой темы, несомненной вершиной творчества этого автора, командующей среди всего (из известного мне) написанного им до сих пор. «Овечья лужа» конечно заслуживает отдельного издания и перевода на другие языки... И еще очень важно, чтобы автор, как ожидают (на самом деле, а не ради красного словца), судя по письмам в редакцию, читатели, продолжал бы писать на той же высоте творческой ориентации и умения.

Л. Р.

«Встречи»

Книга Юрия Терапиано «Встречи» посвящена закончившемуся парижскому периоду русской литературной жизни, — посвящена «парижским зимам», так же, как книги Ю. Терапиано. Встречи. Изд-во им. Чехова. Нью-Йорк. 1953.

га Георгия Иванова «Петербургские зимы» — воспоминания о русской литературной дореволюционной жизни. Написаны «Встречи» с большой любовью. Рассказ о встречах с умершими поэтами и писателями, не в пример многим, выпущенным за послед-